

**Татьяна
ФИЛАТОВА***г. Ульяновск***ПАНТЮХ***рассказ*

1

Опантюхе я узнал в прошлом сентябре, когда делал репортаж о дорогах в районах. Мы ехали снимать «социалочку»: ухабины, дыры, разбитые обочины...

Ничего интересного, пока не добрались до Урено-Карлинского... Здесь наш уазик запрыгал так, что я со своим ростом ударялся головой о кузов. Оказалось, село непростое...

— Эй, мужик, где тут у вас ближайший магазин? — с присвистом крикнул Лёха, тормозя нашего «Боливара»¹.

В машине было жарко, мы опустили стёкла и тут же заполучили слепня в дружную компанию.

— Да вон за домом Тарасича сверни налево! — крикнул прохожий.

— Мужик, я не местный.

— Тарасича не знаешь?..

— А что, он звезда, что ли?

Мужик пожал плечами и направился мимо машины.

Тут предприимчивый Женёк высунулся в своё окно:

— А кто такой этот Тарасич?

— Старожил, — даже не обернувшись, бросил нам мужик и ушёл.

— Обиделся он, что ли? — недоумённо глянул я на Женюку.

— На кой вам этот Тарасич?! — сквозь рычание мотора раздался голос нашего водителя Лёхи.

— Ты чё, Лёх, тут дороги такие — пружины лопнут. А если знаменитость какая-то местная живёт, это же инфоповод!

— Ой-ой!.. — отмахнулся Лёха и поехал дальше искать магазин.

У дома Тарасича сидел дед под девяносто лет: в тулупе и шапке, лицо жёлтое, острое. Напротив него — гигантская дыра, куски асфальта торчат.

— А вот и старожил, и инфоповод, — ткнул пальцем Женёк.

Он выпрыгнул из остановившегося уазика, на ходу включая диктофон.

— Добрый день! — по слогам проорал во всё горло, глядя на деда.

¹ Боливар — так звали старого коня из рассказа О.Генри «Дороги, которые мы выбираем».

Тот молчал, так и не шелохнулся.

— Слышь, он, может, того... Ну, старый же. Не соображает... — вполголоса сказал я, подходя к напарнику.

— Подожди ты. — Женёк отпихнул меня локтем. Затем он согнулся в пояснице, проговорил медленно, почти над самым дедовым ухом: — Мы репортёры из города. Со Второго канала! Приехали к вам снимать про вашу жизнь! Как у вас дела с дорогами?

Дед пошамкал сухими губами, кивая в сторону дороги. Женёк последовал туда же взглядом.

— А ты сам не соображаешь, журналист? — наконец прохрипел дед.

Женёк чуть не подпрыгнул, уже не надеясь услышать голос деда. Мигом сел рядом с ним на лавку.

— Илюх, ты чего застыл?! — выпучил на меня глаза напарник и замахал рукой в сторону машины.

Я и сам не ожидал, что дед так резко оживёт! Схватился и побежал за аппаратом.

— Илюх, пропуск! — кричал вдогонку Женёк.

Я притащил аппарат и пропуск. Заодно взял свой телефон: кто его знает, вдруг дед камеры испугается?..

— Вы не против ответить на пару вопросов?.. — елеиным голосом завёл Женёк.

Дед булькающе прокашлялся и ответил:

— Чего надо?

На этих словах я включил камеру, ослепив старика софитом, и протянул Женьку его пропуск.

— Представьте, пожалуйста, — бодро сказал тот и направил на деда микрофон.

— Петров Михаил Тарасич, — шурясь, назвался тот.

— Михаил Тарасович, сколько вам лет?

— Восемьдесят восемь.

— Как давно вы живёте в Урено-Карлинском?

— Всегда тут жил! — даже как будто возмутился дед. — Мой отец был валяльщиком, отсюда по всей стране ходил, потом я тут валяльщиком стал.

— Скажите, какие-то неудобства испытываете из-за дорог? Может быть, заливают по весне, может, зимой не чистят или провалы образуются?..

Дед, всё время смотревший перед собой, вдруг повернулся к Женьку и прям в лицо выдал:

— Я до сортира только хожу!

Опешив, Женёк как будто задохнулся — я даже заржал, качнув при этом аппарат. А напарник мой по профессиональной привычке сунул в лицо деду свой пропуск, потом пошёл на второй заход:

— Михаил Тарасович, мы хотим снять сюжет про ваши дороги, чтобы власти обратили внимание на эту проблему! Вы старожил и можете сказать своё веское слово...

Дед уже не слушал его, он как будто смотрел куда-то в пустоту невидящими глазами.

Женёк не унимался, продолжал его тормошить:

— Смотрите, прямо напротив вашего дома — дыра. Это же неудобство! К вам придет кто-то — можно же без колеса остаться! — Он указал микрофоном в сторону дороги.

Я обернулся: эту дыру как раз объезжала на велосипеде молодая полноватая женщина.

— Люсяя колоха, хвячой мушня, — прохрипел дед, взглянув на неё.

— Что-что вы сказали? — переспросил Женёк.

— Красивая девка, большая попа, — ответил дед.

— Простите, это на каком языке? — вмешался в разговор я.

— Пантюх.

Мы с Женьком переглянулись.

— Кто на нём говорит? Ну, чей язык? — заинтересовался я.

— Ссылных. Потом — валяльщиков, — пояснил старик.

— Выдуманный, что ли? — удивился Женёк.

Дед кивнул.

А у меня что-то внутри всколыхнулось. Само слово, как часы, «затиало» в голове по слогам: «Пан-тюх, пан-тюх, пан-тюх...» До сотки интересно!

Женёк ещё раз ткнул в деда микрофоном, а тот — ноль внимания, как будто заснул с открытыми глазами.

Сюжет мы тогда кое-как отсняли и без Тарасича, и магазин нашли, а мне с тех пор не было никакого покоя...

2

В студенческие годы нас на лето отправляли собирать местный фольклор — записывать

частушки, рассказы про НЛО, похоронные обряды... Потом на основе этих историй мы писали диплом, каждый — на свою тему. С того дня, как я деда Тарасича встретил, проснулся во мне фольклорист, задушенный работой на ТВ. «Вот где жизнь!.. Вот где история!.. — мечтая вернуться в те места, думал я. — Вот что важно!..»

Одна только проблема удерживала от исполнения той мечты: у меня не было машины. А то бы, как говорится, «теми же ногами» я прям на следующих выходных прискакал к деду и записал бы за ним пантюх! И на следующих после следующих, и на последующих, следующих... Но ни машины, ни водительских прав у меня не было. А в Урено-Карлинское с трассы пешком не дойдёшь — очень далеко. Я мог бы поехать с Саней, другом по универу, но у него низкая «Мазда» и ревнивая жена Светка. Как-то в конце осени на всякий случай я всё же закинул удочку — набрал его. Саня заинтересовался дедом, но сказал: «Не раньше мая». «Дед, миленький, протяни до мая!» — согласившись, мысленно взмолился я.

Всю зиму я мотался по районам — всё так же бахал «социалочку». Толк от нашей работы был. Перед первым снегом положили дороги в двух сёлах. (Конечно, не факт, что они протянут до весны.) А двадцать детдомовцев получили свои дома в Пригородном. (Вот этим я был полностью доволен.)

Перед майскими праздниками я бессердечно окучивал Саню, названивая ему и подбрасывая одно за другим воспоминания о студенческих годах. Саня вздыхал, припоминая истории про ведьм, посвящение в фольклористы и праздник Лиго. «Ладно, на Первомай... — наконец назначил он дату поездки. — Жить-то там есть где?» — «Что, нам впервой, что ли?» — отмахнулся я.

И вот мы погрузили еду, палатку, пенку, спальники, пятилитровки и подарки в Санину «Мазду» и умчали на три заветных дня, предвкушая и затаённо радуясь.

— ...Как Светка? — по дороге спросил я, поглядывая на зеленеющие поля.

— Да нормально. Делала ногти, теперь выучилась на бровиста. В салон в центре устроилась. Вроде на декрет нацеливаемся.

— О, это шаг!..

— Нам тридцатка светит, куда тянуть?.. Ты сам как?

— Отлично! Работа, сюжеты, теперь вот дед... Слушай, я тебе так благодарен, ты меня практически спас! Я ведь помешался на этом пантюхе, — признался я.

— Дай бог здоровья деду, — произнёс тихо Саня.

— Я за него молился! На полном серьёзе тебе говорю. Без шуток.

Саня подозрительно посмотрел на меня:

— Ну, тогда он точно живее всех живых.

3

Мы приехали в Урено-Карлинское, повернули к нужному дому. Дед сидел на том же месте, в том же тулупе, как будто не уходил с сентября! Я аж вскрикнул и выбежал из машины к нему как к родному.

— Михаил Тарасич! Доброго здоровья!

Дед молча смотрел на меня: не узнал.

— Я журналист. Мы к вам приезжали осенью, помните?

На мой голос, скрипнув калиткой, со двора высунулась женщина лет шестидесяти, посмотрела на меня вопросительно и подошла.

— Здравствуйте. А вы кто? — спросила она.

— Я журналист. Меня зовут Илья. Мы с Михаилом Тарасичем знакомы.

— Очень приятно, меня Нина Михална зовут.

— Она улыбнулась. — Вы к нам по делу какому или просто поздороваться?

— Вообще-то, по делу. Михаил Тарасич со мной на пантюхе разговаривал, а я фольклорист, собираю как раз такое...

— Ничего не понимаю, — покачала головой Нина Михална. — Вы к Михаилу Тарасичу приехали?

— Да. А можно? — прямо спросил я.

Когда нам со съёмочной группой приходилось разезжать по деревням, мы всегда без стеснения говорили, зачем приехали, — и нас даже охотно пускали пожить. А тут — непонятно.

Прежде чем ответить мне, женщина обратилась к деду:

— Пап, ты домой пойдёшь или ещё посидишь?

Тот лишь кивнул, тогда она пригласила нас с подоспевшим Саней:

— Пойдёмте в дом.

Внутри было чисто, но пахло дедом, как обычно бывает. Мы осмотрелись: разноцветные дорожки от входной двери, желтоватый тюль в крупных цветах, белые гладкие двери с окошками, умывальник, жестяные тазы, мухи...

Нина Михална провела нас в зал. Стены там были оклеены узкими выцветшими обоями, на них картинки — репродукции с полотен Шишкина, дощатый пол крашен коричневой краской, полированная мебель...

— Чаю хотите? — предложила хозяйка.

— Если можно, — ответил я.

Мы с Саней сели на стулья у круглого стола.

— О чём вы говорили-то? — спросила Нина Михална, поддувая на обжигающе горячий чай в своей кружке. — Я так и не поняла...

— О пантюхе. Вы знаете пантюх? Говорите на нём? — опять я за своё.

— Нет, мы по-русски разговариваем. — И правда как будто ничего не понимала она.

— Что ж, жаль. Ваш отец владеет языком, который мы хотим записать, чтобы сохранить. Это очень ценный для нас материал.

— А чего в нём ценного?

— Ну, как это... — улыбнулся я, не зная, как объяснить...

Тут входная дверь хлопнула, и до нас донёсся высокий женский голос:

— Дед там на солнце не перегреется?..

— Приведи его сюда! — крикнула в ответ Нина Михална и добавила для нас: — Сейчас Лена его приведёт. Сами у него всё спросите.

— Ваша дочь?

— Внучка.

До зала дед шаркал валенками по полу медленно и долго. Мы было поднялись его встречать, но Нина Михална нас остановила: внучка, мол, сама справится. Наконец в дверях появился дед, под локоть его держала девушка лет шестнадцати. Она была выше его почти на голову, очень красивая — мы с Саней даже немного растерялись.

— Дед, не стой, садись, — сказала Лена и потянула его к дивану, а тот — ни в какую, стоял посреди зала как вкопанный.

— Вы кто? — вдруг прохрипел он, глядя на нас.

Мы с Саней едва не подскочили со своих стульев. Я первым ответил:

— Меня зовут Илья, я журналист. Вы меня помните?

— Не помню.

Лена и Нина Михална переглянулись. Мне стало неловко.

— Я приезжал к вам осенью... в сентябре. Мы ещё про дороги снимали...

Михаил Тарасич держал нас под прицелом тяжёлого замершего взгляда. Он не шевелился, только дышал тяжело, со свистом.

Я уж не знал, что и предпринять, чтобы вывести его на разговор.

— Вы на пантюхе говорили... Про колоху... Помните? — сделал я ещё один несмелый заход.

Дед наконец прошаркал к дивану.

— Скажите что-нибудь ещё, — попросил я умоляюще.

— Пантюх — язык для валяльщиков. Зачем тебе пантюх? — как-то строго сказал Тарасич.

Нина Михална и Лена под локотки усадили деда.

— Я хочу записать ваш язык для потомков.

— Зачем им пантюх?

— Ну как — зачем?.. — замялся я.

Тут голос подал Саня, и, как оказалось, очень вовремя:

— А как появился этот язык?

Вот хитёр жук! Старики-то такие вопросы ой как любят!

— Мой отец с товарищами зимой на заработки ходил, — отрывисто сказал дед, — где в деревнях валяльщиков нет, там и останавливались. У заказчиков жили либо на квартире. — Дед смерил нас взглядом. — Заказчику знать всего не надо. Пимокат, поклюжи беренги в скребы.

— Что это значит? — ухватился Саня.

— «Валяльщик, положи картошки в валенки», — перевёл дед.

Саня хохотнул:

— Во дела! И зачем?

— А чтоб быстрее свалить! От картошки шерсть лучше липнет. Носиться такие валенки будут меньше, да где потом этого валяльщика найдёшь?.. — Тарасич как будто улыбнулся. — Рахлей наскочь ухлить, а то марахи уверждают. — Он хитро на нас глянул, выжидая вопроса.

— А это что? — подыграл я.

— «Скорее надо уйти, а то люди увидят».

Саня от восторга даже захлопал в ладоши.

— А вы нам слова из пантюха называйте. Мы за вами записывать будем, — предложил я.

— Это как? — не сообразил сразу дед.

— Ну, например, как будет «дом», «небо», «солнце»?.. — пояснил я.

Дед пренебрежительно махнул рукой и, развалившись на диване, откинулся на его спинку.

— Он так не может, — тихо подсказала нам Лена. — Я тоже у него слова спрашивала — молчит. С ним говорить надо...

— Михаил Тарасич, скажите, что помните, — хотя бы прежним способом я стал пытаться выудить что-то ещё.

Дед закрыл глаза, не проронив в ответ ни слова. Лена скрестила руки на груди и выжидающе смотрела на старика.

Тот, чуть приподняв веки, всё же хрипло замянул:

*— Мас накерился бусьяный
И к колохе подохлил,
Бот вершай, вершай, колоха,
Мас ботву лимить прихлил...*

А после старик совсем умолк: видимо, устал от такого внимания.

Мы с Саней вышли из дома на крыльцо.

За огородом садилось солнце. Вечер уже холодил землю. Весёлый майский день засыпал. Я посмотрел на синеющую в реке тень леса.

— Вы где будете ночевать? — спросила вышедшая вслед за нами Нина Михална.

Я неопределённо пожал плечами:

— Вариантов несколько: машина, палатка...

— Оставайтесь! — предложила она. — Правда, спать у нас можно только на веранде, но всё теплее, чем в палатке.

— Спасибо! И правда теплее! — с готовностью отозвался я.

— Мы вам воды натаскаем, — с энтузиазмом подхватил и Саня.

— Вот спасибо! — обрадовалась Нина Михална.

— Ты иди в машину за спальниками, а я — за водой, — сказал я другу.

— Найдёте колонку? — забеспокоилась хозяйка.

— А я провожу, — вмешался четвёртый голос. Это Лена юркнула к нам на крыльцо невесть откуда.

— Пойдём! — Мне действительно хотелось поближе пообщаться с ней — даже не столько ради того, чтобы узнать что-то ещё из пантюха, сколько потому, что девушка была красивая, свежая, веселая.

Мы вышли за калитку. На улице тянуло влажной прохладой, пахло баней, молодой зеленью.

— Лена, ты в школе учишься? — спросил я.

Она заулыбалась — наверное, польщённая моим интересом к ней.

— Ага, в десятом классе.

— На следующий год поступать!

— Да-да. На журналиста пойду.

— Вот это да! По моим стопам! — воскликнул я. — Иди, не пожалеешь. А может, тоже на практике фольклористкой будешь! От нашей кафедры до сих пор ездят в экспедиции. А потом, когда окончишь, глядишь, и главным редактором станешь, как я, — зачем-то соврал. Наверное, хотел произвести более весомое впечатление.

— Может, и стану, — скромно согласилась Лена.

— Тогда пантюх тебе очень пригодится! Ты знаешь пантюх? — опять завёл я о своём...

— Нет. — Она пожала плечами. — Дед говорит, не надо мне каторжный язык знать.

— Так ты — в научных целях!..

Девушка покачала головой — золотистые пряди заструились по открытым плечам, и я залюбовался ею.

— Как же так, Лена? — пожурил я. — Твой прадед владеет умирающим языком, а ты!..

— Говорят, у вас в городе скоро будут новые трамваи «львята», а старые, красно-жёлтые чешские, скоро совсем исчезнут! Ты катаешься на трамваях? Ты их хотя бы сфоткал? — вдруг сказала она.

Я был огорошен и растерянно взглянул на неё. А Лена лукаво улыбалась, в её светлых глазах плясали искорки. Она была довольна своим остроумием.

— Нет, — несколько растерянно признался я и тоже улыбнулся.

— У тебя машина, наверное, есть? — подсказала она. — Трамваи — это же такая романтическая городская атмосфера...

— Конечно, машина, — опять соврал я. — Ты в городе не живёшь, поэтому тебе так кажется. На самом деле в этих трамваях качает, сиденья жёсткие, ходят они медленно, стоят подолгу и

вообще ломаются часто. Если хочешь, поехали с нами в город, я тебя покатаю на трамвае.

Лена засмеялась и легонько коснулась моего плеча:

– Да кто ж меня отпустит!

– А что? Ты же с друзьями!

– Мы разве уже подружились?

– Да! А если нет, так подружимся, в чём же дело?

Мы дошли до колонки, я набрал два полных ведра и потащил их назад. Ленины сандалии на тонких ремешках звонко цокали на старом бугристом асфальте. Надолго задумавшись о чём-то, она молчала.

– Лена, тебе не холодно? – напомнил я о своём присутствии.

– Есть немного... – призналась она. – Но мы уже скоро придём. Или хочешь на речку посмотреть? Там уже лягушачья икра появилась.

– А то! – я был рад снова поболтать с ней. – Лягушачья икра... Ты ещё спрашиваешь!..

Она опять засмеялась. Наконец мы пришли к дому. Я оставил ведра с водой на крыльце, и мы пошли огородом вниз, на берег.

Речка была узкая – переплыть минут за пять, она поросла тростником и дикими ирисами, как раз набравшими цвет.

– Смотри. – Лена зашлёпала по вязкой земле.

– Вон там, между листьев...

Вокруг стеблей тростника пузырились пеной сгустки икринок и колыхались от лёгкого течения.

– С ума сойти! – произнёс я. И раньше мне приходилось видеть, конечно, икру лягушек, но так близко – в первый раз.

– А ещё ирисы жёлтые скоро зацветут. Ты когда уезжаешь?

– Послезавтра.

– М-м-м, – протянула Лена.

– Ты, кажется, дрожишь?

Она была в джинсовых шортах и розовой маечке, а вечер уже начинал переходить в ночь.

– Немного.

Я дотронулся до прохладного плеча и, ощутив, как она покрылась гусиной кожей, прижал к ней обе ладони.

– Ты мёрзнешь, пошли в дом.

– Не хочу, – тихо, но твёрдо ответила Лена.

Тогда мне ничего не осталось, кроме как об-

нять эту упрямую девочку. В ответ она с силой прижалась ко мне всем телом. Ей и вправду было холодно.

– Ты очень вкусно пахнешь, – пробормотала она, уткнувшись лицом в мою грудь.

– Ты тоже, – улыбнулся я, уловив тонкий аромат, идущий от её затылка.

– Это клубничный шампунь, – шепнула Лена.

Мы постояли так несколько минут, потом я всё же сказал ей:

– Пойдём.

Лена оторвалась от меня, улыбнулась и побежала впереди меня к огороду. Она исчезла за забором, а когда я поднялся по крыльцу в дом, её нигде не было. Я лёг на веранде рядом с Саней, который заботливо постелил на пол мою пенку, а сверху кинул спальник. Сам Саня уже сопел.

Утром непривычно рано нас разбудили пегухи – в основном, конечно, расстарался хозяйский. Он неутомимо рвал глотку, радуясь приближению рассвета, точно чувял, что я снова проваливаюсь в дрему, и никак не мог такого допустить.

Когда Нина Михална тихонько прошаркала с ведром через веранду доить коз, я понял, что дальше спать уже грешно. А Саня-то дрых до сих пор мне на зависть. Ничего, пришлось растолкать и его.

Когда мы оба выползли на крыльцо, уже совсем рассвело. Я посмотрел на экран телефона: семь утра.

– Пойдёмте завтракать, – из дома высунулась к нам Нина Михална. – Вы молоко пьёте?

– Лучше кофе, – улыбнулся заспанный Саня.

– Э-эх, городские! – по-доброму вздохнула она. – Кофе тоже есть.

Мы завтракали втроём. Кофе, колбаса, хлеб, варёные яйца...

– А где Михаил Тарасич?

– В огороде сидит, – кивнула она в сторону окна, – у него туда дверь выходит. И Лена спит, пусть отсыпается за учебный год.

После завтрака на диктофон мы немного записали деда.

– «Шиварка, выкиряем с ботвой полосеньку», – выдавал он пантюх дозированно, как будто порционно.

К десяти часам в огород вышла Лена и поздоровалась с нами. Я немного опешил: на ней был белый сарафан в мелкий василёк, сверху — расстёгнутая ветровка, была она босая и румяная со сна.

— Дед, они тебя замучили? — окликнула Михаила Тарасича.

Тот, довольный, усмехнулся:

— Это ещё вопрос, кто кого...

— Ладно, — девушка улыбнулась. — Я — завтракать, — и ушла.

— Михаил Тарасич, перерыв? — предложил я.

Дед кивнул и медленно поплёлся к деревянному туалету.

— Миленькая, — деликатно заметил Саня и посмотрел на меня испытующе.

— Ты что, школьница! — Кровь прилила к моему лицу.

— Себя в школе помнишь?

Я понимающе закивал, но возразил:

— Малолетка.

— Шестнадцать вообще-то есть... — подсчитал Саня.

— Десятый класс заканчивает, — уточнил я. — А мне — двадцать восемь. Извини, проблем не хочу...

— Так ей почти восемнадцать. Ты спроси, когда у неё день рождения. Может, завтра?

Я погрозил ему указательным пальцем, а Саня постучал тоже указательным пальцем по своему лбу.

— Пойду-ка за водой схожу, — обронил я.

Взял вёдра, только вышел за забор — Лена за мной.

— Как спалось? — завела разговор.

— Плохо, — бросил я.

— И мне! — Она обежала меня и пошагала задом наперёд, чтобы видеть моё лицо.

— Ты не упадёшь?

— Нет, конечно, — предложила: — Пойдём на луг? Наберём крапивы в суп.

— Если хочешь, — неуверенно ответил я, потому что сомневался, что хочу снова остаться с ней наедине.

— Только возьму рукавицы и мешок. — Лена рванула к дому.

Когда я донёс вёдра, она уже стояла у крыльца в полной готовности.

— Ты не хочешь надеть штаны? — спросил я. Она только отрицательно покачала головой. — А кто ты по знаку зодиака? — вдруг выдал.

— Лев, — беззаботно ответила она.

Лев — значит, в августе... Далековато. Выходит, Саня не угадал.

Мы шли с Леной через огород, потом по тропинке вдоль реки. Мелкие бабочки кружились у земли, первые одуванчики отцветали, солнце пригревало. Лена сняла куртку.

— Красиво у нас, да? — как будто пропела.

— Красиво! — Я посмотрел на неё, она заулыбалась, заправила волосы за уши.

— Как работа с дедом продвигается?

— Неплохо. Много записали и расшифровали.

— Ты рад?

— Конечно.

— Знаешь, чему бы я была рада?

Я догадывался, но как-то не сумел совладать с собой и спросил:

— Чему?

Она огляделась по сторонам, опять забежала вперёд меня, преграждая путь, и крепко-крепко обняла.

Я опустил мешок с перчатками на землю, положил руки ей на спину:

— Лена, что ты делаешь?

— Тебе неприятно? — шепнула она.

— Мне очень приятно, но я взрослый дяденька, и ты меня не знаешь.

— Так сам же сказал, что мы подружимся... — напомнила Лена.

— Зачем тебе это? — я пытался быть разумным.

— Ты мне нравишься. Что тут такого?

— Я не пойму, ты придуряешься или как? — строже сказал я.

— Чего-о? — Она отстранилась, округлила глаза. — Я — серьёзно!

Лена подалась всем телом ко мне, коснулась губами моего подбородка, а затем впиалась в мои губы. Сначала я отвечал ей тем же, потом оторвался.

— Лена, ты заигрываешь со взрослым. Неужели тут нет твоих ровесников? Одноклассников? — осадил я девчонку.

— При чём тут ровесники, скажи? — С её плеча как бы невзначай спала широкая лямка сарафана, обнажив тонкую ключицу, и я заподоз-

рил, что на ней нет белья. Посмотрел чуть ниже: так оно и было.

— Куда ты смотришь? — хихикнула она.

— Лен, отойди, — всё понимая, приказал я ей. — Ты попросила сходить за крапивой — идём спокойно!

Она отошла в сторону, пропуская меня, и, опустив голову, проворчала:

— Хорошо, пойдём за крапивой.

Мы шли молча, а когда пришли на полянку, так же молча собирали мелкую крапиву и клали в общий мешок. Иногда Лена наклонялась, чтобы сорвать колючую молодую зелень, сарафан высоко открывал её гладкие бёдра, и я на них смотрел.

— Взрослый дяденька, — передразнивая, бубнила она, а сама наклонялась, нарочно не прикрывая вырез сарафана.

В конце концов я бросил мешок и подошёл к ней. Она стояла ко мне спиной, я схватил её за бёдра, прижал с силой к себе и тряхнул. Выдохнул в самое ухо:

— Взрослый дяденька — это не мальчик, с которым ты похихикаешь и — по домам.

Её волосы попали мне в рот, дыхание сбилось.

— Я это понимаю, — прошептала она, насколько не испугавшись.

Я зарычал и оттолкнул её.

— Крапивы хватит на три супа, — отрывисто сказал. — Всё, возвращаюсь записывать твоего деда.

Назад я шёл один, быстро и не оглядываясь, как от злого духа-искусителя. Мы с Саней пообедали, преподнесли нехитрые подарки хозяйке дома: чай в жестяной коробке с цветами, душистое мыло для бани и бутылку вина. Нина Михална улыбалась, отнекивалась, но потом всё взяла. После обеда мы опять писали деда.

Лена не появлялась. Я радовался и терзался одновременно: от моей футболки пахло клубникой.

К вечеру она опять появилась на огороде в том же платье и ветровке. Рядом никого не было — только я. Дед — в доме, а Саня ушёл ругаться по телефону с женой.

— Всё думаю о сегодняшнем утре, — начала она резко. — Ты ведь завтра уедешь. — Я молча глядел на неё. — Я посижу у речки, костёр хочется пожечь. А ты сам смотри. — Она исчезла.

Смеркалось. Час или полтора я слонялся по огороду. Нина Михална, уложив деда спать, сидела на крыльце.

— Нина Михална, — обратился я, — мы с другом ещё не закончили. Вы позволите нам на следующих выходных ещё раз приехать?

— Конечно, — закивала она, — я только рада буду! Вы же нам большое семейное дело делаете.

Я даже закашлялся.

— Что, простите?

— Пантюх-то этот... Мне и ума не было, что это за язык. Так он теперь, считай, часть нашего рода!

— Да, да, конечно... У вас есть сотовый?

Записав её номер, я вышел в огород. Вдалеке у речки горел маленький костерок. Ждёт, искусительница малолетняя. Ладно, попрощаться с ней схожу, решил я. Проверил на всякий случай внутренний карман джинсовки и пошёл. Пока спускался в темноте, всё думал: зачем иду? Зачем я её в город приглашал? Зачем про машину наврал? Ну, приедет она в город — куда я её приведу? В двушку к родителям? Про главного редактора зачем наврал? Я сам хуже малолетки.

— О, ты пришёл, а я уже начала засыпать. — Она лежала на траве у огня, и отсветы танцевали на её лице и длинных ногах.

— Лена, я пришёл попрощаться.

— Хорошо, — кивнула она и поднялась с земли, — давай будем прощаться.

Она вновь поцеловала меня, её лицо было разгорячённое от огня. Лена увлекла меня на землю, прижалась ко мне. Я поддался, сжал бедро под сарафаном, она шустро расстегнула пуговицы... Но в последний момент мне в голову ударило: малолетка! Я оттолкнул её, вскочил и, пачкаясь во влажном чернозёме, побежал к дому. Влетел на веранду и прямо в одежде залез в спальник: «Спать, Илюха, спа-ать!» Сердце бешено стучало.

Утром я вскочил с петухами и растолкал Саню. Нина Михална угостила нас огурцами и сыром. Я собрался молниеносно. Не дожидаясь, пока проснётся Лена, надо бежать... бежать, пока чего не случилось... А деда потом ещё запишем. Саню скорый отъезд тоже радовал: Светка уже начала выносить ему мозг.

— Передайте Михаилу Тарасичу наше до сви-

данья и до скорой встречи! — прощался я на крыльце с Ниной Михалной.

— Что ж вы так неожиданно? Рано ещё!

— Работа! — соврал я.

Саня завёл «Мазду», и мы помчали. Выехав на трассу, он спросил с ухмылочкой:

— Ну, теперь говори, чего натворил?..

— Ничего не натворил, но было очень близко... — признался я.

— Передумала?

— Я передумал.

Он цокнул языком.

4

Начались рабочие будни. На Девятое мая я плотно работал, выходные пропадали, а я всё ловил себя на том, что думаю о Лене. Вот приедет она в город через год, будет тут учиться, жить. А прежде ей бы походить на подготовительные курсы... Хотя зачем курсы, если есть я?.. Сам поступал, выучился хорошо, всех преподавателей знаю, и они меня помнят. Помогу ей, а там, может быть, и нормальные отношения завяжутся. В конце концов, август недалеко, и, если уж она так хочет...

После Девятого мая были День защиты детей, День города, День молодёжи. В середине июня я собрался с силами, договорился с Саней и позвонил Нине Михалне.

— Здравствуйте! Это Илья, журналист.

— Илюша, здравствуй, родненький. Что же ты не звонил? — сдавленно спросила она в трубку.

— Работы воз! В эти выходные — к вам. Вы как на это смотрите?

— Да поздно, Илюш, сорок дней.

— Как сорок дней? — Я обомлел, и сердце глухо ударило где-то в горле.

— А так...

— Соболезную вам, дорогая Нина Михална. Как вы держитесь? Как Лена?

— Как, Илюша? Плачу... Лена в Москве у родителей, у неё сессия началась.

— Какая сессия?..

— Летняя, в Институте культуры.

— Разве она не школьница?

— На третий курс пошла. Илюш, ты записи Михаила Тарасича сохрани и, как сможешь, привези для меня копию.

— Да-да, конечно, обязательно. В этом не сомневайтесь, — заверил и, сбросив вызов, рухнул в кресло в холле редакции.

Я врал — Лена врала. Не врал только дед, затягивая старческим голосом частушки на пантюхе, которые он, влюблённый, пел «люсым колохам» в далёкой молодости.

Татьяна Олеговна ФИЛАТОВА

окончила Ульяновский государственный университет.

Дизайнер. Пишет прозу.

Автор книги «О чём молчит лес» (2022).

Публиковалась в журналах «Бельские просторы»,

«Дружба народов», «День и ночь».

Участница Форума молодых писателей в Липках (2019, 2021).

Лауреат конкурса журнала «Бельские просторы» (2019).

Победитель литературного конкурса «Стилисты добра»

в номинации «Проза» (2020).

Награждена Гран-при Всероссийского литературного конкурса

им. А. Л. Чижевского (2022).

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2022) в номинации «Проза».

Член Союза писателей России с 2020 года.

В журнале «Север» публикуется впервые.

